

ИЗ КЛАНОВ — В КЛОУНЫ

Модест Колеров

Модест Колеров — кандидат исторических наук, управляющий директор информационного агентства REGNUM, действительный государственный советник РФ первого класса

Наше государство снова становится бедным, ему трудно жить по средствам, ему трудно заставить свою бюрократию преодолеть кризисный паралич. Избыток внешнеполитических фантазий и трат на призрачное «участие в процессе», фальшивую лояльность соседних банкротов, дефицит политической воли, фронда переживших все режимы региональных вождей, президент и премьер, обреченно работающие собственными пресс-атташе каждый раз, когда западным таблоидам интересно послушать о нашей войне... В такие дни одно утешение — помнить и понимать, как все-таки далеко мы ушли даже в бедности — от позорной нищеты 1990-х годов. Полистать мемуары тех, кто рулил нашей нищетой в те позорные годы.

Вот глава президентского Института современного развития

Игорь Юргенс поделился в печати воспоминаниями о том, как, придя к власти, Путин «пердал всю власть в стране узкой элите и создал энергетически зависимую модель экономики», за что Россию впору гнать из «большой восьмерки». Из чего юный читатель, еще не живший в России десять лет назад, может подумать, что до появления Путина у руля, в стране власть принадлежала широкой элите и энергозависимости экономики не было.

Вот и бывший в допутинские и раннепутинские годы руководящим лицом, сотрудник Юргенса Евгений Гонтмахер тоже выступил с мемуарами. В то же самое время и на ту же тему. Его сочинение подробно разворачивает тезисы Юргенса про Путина, модель и «восьмерку», лирически рассказывает о прошлом и потому заставляет меня нарушить свой читательский нейтралитет.

Ложь — нередкая жанровая черта политических мемуаров. Но не ложь ведет буквы мемуариста. Гонтмахер пишет о 1998 году: «люди восприняли этот удар спокойно. Может быть, потому что тогда было сформировано коалиционное правительство Примакова-Маслюкова?.. Очень актуальное воспоминание, однако». Итак, **первый пункт программы — создать коалиционное правительство.**

Гонтмахер вспоминает о последствиях 1998 года: «появился Владимир Путин... Путин... создает Центр стратегических разработок... Работали вдохновенно и масштабно. ...документ вполне смотрелся в качестве

стратегического плана реформ для будущего путинского президентства». **Пункт второй — написать план реформ.** Действующий сотрудник президентского Института современного развития Гонтмахер такого поручения, получается, не имеет.

Гонтмахер перечисляет «тогдашние воодушевлявшие месседжи»: форум-2001, диалог-2002, форум-2003, «подключение к этому диалогу экспертного сообщества и бизнеса... я строил иллюзии, что свободно развивающееся гражданское общество быстро сформирует нормальную многопартийную систему... надежды на формирование полноценной политической системы». Оставим в стороне ту странность, что иллюзии и надежды посетили Гонтмахера так поздно — через годы после дефолта, а не в 1992 году. Формулируем **пункт третий — пригласить** на формирование политической системы не востребовавшего президентского эксперта Е.Ш. Гонтмахера.

Далее Гонтмахер демонстрирует энциклопедические знания, находя причину своего разочарования действиями Путина в историческом пороке отечественной власти: «власть так и не избавилась от глубинного (чуть ли не царистского) убеждения, что людям надо даровать свободы. Вспомним освобождение крестьян в 1861 году, Манифест Николая II. **Пункт четвертый — реформы вводить без участия власти.**

Гонтмахер с пиететом вспоминает преддефолтные 1990-е годы: «власть и общество в равном положении» (то есть контроль

бизнес-кланов над экономикой и верховной властью), «информационная свобода ведущих СМИ» (Гусинского и Березовского) — «смею предположить, что если бы такое равенство сохранилось и далее, то и сырьевого отравления 2000-х не было бы. Сложные, неудобные, но именно этим ценные партнеры власти не дали бы ей возможности почивать на нефтегазовых лаврах...» То есть допутинская «широкая элита» это назначенные государством и затем манипулировавшие им олигархи. **Пункт пятый — перераспределить «нефтегазовые лавры».**

Президентский эксперт Гонтмахер великодушен: «Я не собираюсь противопоставлять Медведева Путину. Для меня очевидно, что Путин реально хотел за год-полтора передать реальные бразды правления своему преемнику и уйти в сторону...» **Пункт шестой — Путин должен «уйти в сторону».**

Гонтмахер находит особые слова для личной жалобы: «*Пару лет назад... я и еще несколько коллег — написали и опубликовали книжку... мы видим, сколько у народа идей... среди тех, кто пишет Президенту, в Правительство, даже к нам в Институт современного развития (сказывается, наверное, то, что председателем нашего Попечительского Совета является Дмитрий Медведев)... С народом, с теми, кто хочет участвовать, внести свой вклад никто не работает... Нет каналов связи...*» **Пункт седьмой — идеи Юргенса-Гонтмахера не получают отклика у Медведева.**

Изложив в жанре личных мемуаров тезисы Юргенса, Гонтмахер с удовлетворением сообщает, что когда его публицистика вызвала «поток брани», в том числе «обвинения в повторении задов «лихих девяностых»... все эти «отклики» были собраны и сопоставлены оказалось очевидным, что они написаны «одной рукой», у всех «один почерк». И эта «рука» была приведена в действие из очень высокого кабинета. Об этом стало известно Президенту и травля прекратилась как по команде». **Пункт восьмой — идеи Юргенса-Гонтмахера доходят до Медведева только благодаря «потоку брани».**

В мемуарном танце президентский Институт современного развития предлагает Медведеву составить коалиционное правительство, которое по своей идеологии должно реализовать антипутинскую программу возврата в 1990-е годы. Публичное обсуждение этих мемуаров — вещь медицински неизбежная, ибо само их политическое существование — несомненный признак кризиса бюрократии и яркий индикатор ее недееспособности. ■

Полную версию статьи Модеста Колерова ищите на сайте «Русского журнала»

НАША СТРАНА НЕ ЛАБОРАТОРИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО — публицист, телеведущий, член Общественной палаты РФ
Специально для РЖ

В тексте Евгения Гонтмахера много справедливых упреков по отношению к власти. Но почти непреодолимый водораздел между позицией г-на Гонтмахера и позицией других, в частности моей, проходит в мотивах критики власти. Гонтмахер видит Россию как лабораторию для экспериментов. Он точно знает, что должно быть в России, чтобы ему лично хорошо жилось: после работы возвращаться домой, проводить время с семьей, а в свободное время выезжать в отпуск. Такое мироощущение свойственно обывателю, в хорошем смысле этого слова. Дай Бог, чтобы те люди, которым это близко, так и жили. Но **делать такую жизнь идеалом страны — безумие, потому что это уничтожит ее национальные и культурные особенности.** Гонтмахер и его союзники — законченные материалисты, свято верящие в то, что человек эволюционировал от обезьяны в более содержательное существо, задачей которого является достижение максимального комфорта.

Гонтмахер дает как образец своих политических надежд «Гражданский форум-2001», который я прекрасно помню. На нем были представлены «филателисты» и «любители бабочек», но не было ни нацио-

нальных, ни религиозных, ни политических сил, радикально оппозиционных по отношению к тренду 1990-х годов. Очевидно, что в гражданском обществе Гонтмахера нет места Проханову, людям патриотических взглядов, РПЦ, мусульманам, протестантам. Большая часть страны не созрела для того, чтобы войти в гражданское общество Гонтмахера.

Да, Путин начинал как абсолютный либерал. Тогда, конечно, Гонтмахер был полон надежд. Сам я, например, политику Путина стал воспринимать с 2004 года, с его «бесланской речи». Тогда Путин начал делать что-то, что имело отношение к установлению суверенитета страны. В этот момент он сразу перестал нравиться Гонтмахеру и ему подобным. Однако, на самом деле, у Гонтмахера нет особых претензий к Путину. Ведь, как ни странно, современная бюрократия и ее либеральные критики — одной монетаристской природы. **Речь идет о перехвате инициативы, которую сейчас пытается осуществить группа его сторонников и он сам.** Они хотят быть правящим классом, отделенным от остального человечества, от мировой фавелы заслоном оплачиваемых сатрапов. ■